

Виктор СОСНОРА

КУДА
ПОШЕЛ?
И ГДЕ
ОКНО?

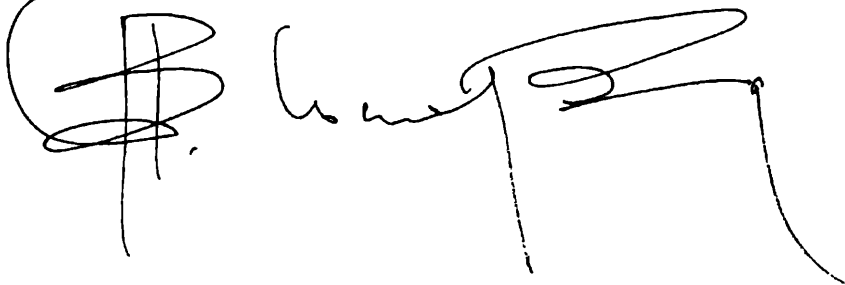
ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММVI

И нестане тој год и покоу,
зје ни сто ни куда не придеј,
и поспотри, силбоз, ни чело,
и не будеј уше ни чего.

Про, зетиза, сватои Органис,
прововетница у камиказ,
— та собаку свою отрати,
вѣ" же ево судба, кол-никак.

В нестих ликах вырос родок,
аве ноги, раздвигачки лобок,
кто-то шел, кто-то шел, кто-то шел,
и ушел, космичевт лебедей.

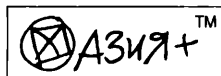
Виктор СОСНОРА

**КУДА
ПОШЕЛ?
И ГДЕ
ОКНО?**

КНИГА НОВЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ
2-е издание

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • MMVI

С 66
ББК 84. Р7

Переиздание книги
«Куда пошел? И где окно?»
является нашим приношением
к **70-летию Виктора Сосноры.**

Запись авторского чтения и изготовление CD осуществила
АНО Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс», СПб
(www.asia-plus.ru)

На шмуцтитулах — рисунки автора.

В книге сохранены особенности
авторской орфографии.

Марка издательства работы
Сергея Семенова

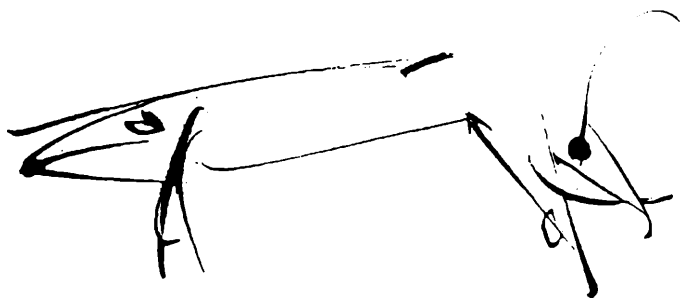
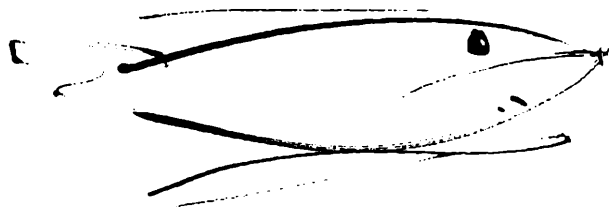
ISBN 5-85767-011-X

© В. Соснора, 1999, 2006

Моей жене Нине Алексеевой

У
Х
О
Д
Я
Т
С
О
Л
Д
А
Т
Ы

Зашьют рты,
откроются губы.
Понравится голод,
появится голос.
Заговорят пушки —
и запоют Музы!

КОЛОКОЛ

Снится, что я тону, колокол Рима,
из ушей пузыри, качаю стеклянные сферы,
плавают и поют музыкальные рыбы,
тонок их слух, речь открывает рты,
читаю по губам, что и Рим тонет,
портики, ипподромы, театры, рынки, бассейны,
площади как пьедесталы и на них дома,
статуи, виллы, сады, библиотеки,
кони, трубы, ораторы, списки проскрипций,
тонет Капитолий, спрутами обвитый,
тоги, провинции, водопровод и Тибр, —
вот и темнеет мир, не звуковой, а подводный,
я один тону, и что-то в ушах гудит.

У МОРЯ, У МОРЯ, ГДЕ РИМ

I

Не слышим с лошади музы́к,
пьянит её кумыс.

Есть ход за Маятник, да вдруг
на труп не хватает дров.

Я строг, костёр, и пышет Рим,
а он уже без рам.

У лошадей кружит метель,
жгут светлый дух ряды,
и море, севшее на мель,
все ходит у воды.

II

Я вам пою, что, кружась, взошла
белая лампа дня,
море свистит, а его взащей
солнечный гонит яд.

III

Рисую: у моря стоит лошадей
две-три, сосна, щегол,
это поёт с водопоя Рим,
в туфельках, злой, румян.

Это под звёздами Желтых Псов
море роится вспять,
желтые звёзды его петель
как ожерелья толп.

IV

Ты множествен, ты эросцвет и ум,
где сеять ген, кого, убив, умыть.

А я иду по ковылям, как Ови,
а ты одет, как девушка, в венки.

Я рад и редок, замахнул на Жизнь,
а ты не рок, не друг, и дал жетон.

Я честно вылил вниз в стакане кровь,
ты чтиво туч. Скажу и про любовь:

как сел щегол на лошадь, и — табун!
как бьют яйцо Земли — в лицо, в набат!

А я иду, как огонь и гонг времен,
а ты идёшь, как девушка, — плашмя.

В этой лодке негу, Аттис, на заплыв пучины морей,
трескнул Рим, и вёсла в ступе, пифы золото унесли,
плебса слезы не в новинку, и отстрел Сената хорош,
форум полон демагогов, Капитолий в масках воров,
гений хрипл, бескрыл и сомкнут, он всего лишь двоегуб,
но и две губы смеются, из металла именем медь,
нет уж светлых сковородок, тут уж гунны черных дыр,
не в новинку! не в новинку! где Двурогий? и где Бабилон?
будет цезарь с Миссолунги, и повешен вниз головой!

Еще не вскрыты эти маски,
ямбические у пеана,
рождаемы, как желудь, в каске,
в фасетах глаз у Океана,

у ритмика, живущий в Мире,
с огнем, и пеплом в виде пальмы,
он может сжать рукой миражи,
и из людей польются капли.

Двуноги птицы! а не твари,
и их витки между ногами,
с ключами в щель от двери к двери, —
кто претендент на монологи?

Я знаю, лишняя победа
над временем у гравитаций,
и будут рушить вашу правду,
я буду рисовать гравюры,

как мисты, невидимки с ролью
танцующею, или — втулки?
и если вас возьмут за горло,
я выберу из шеи дудки,

и, финалист летучей шхуны,
в плаще из линз над берегами,
и будут рушить ваши шкуры,
я высушу их на пергамент.

Не речи! — выбритые тоги
рифмованных от носа к носу,
и всех кифар и эдов торги
в постскрипtum к этому анонсу.

КАКОПАКРИДЫ*

Весь Рим бежит, и шаг широк,
их рот — распахнутый до щек,
махнув рукой на позы Трех,
я указал на грим дорог.

Я говорю, открыт Закат,
я вижу жест бегущих спин,
от этой гибели за так
остались щеточки от псин.

По воздуху, и греблей же, —
и как миллионы крыс в аду,
лишь с онемелых грабежей
идёт огонь и дует дух.

Руины ширятся с ногтей,
солдаты падают в строю,
и в руконогой быстроте
один стою я и — смотрю.

---

* Злорадетели родины (греч.).

ДИСТИХ

I

Ты занавеска радужная, до ног,
с тимпанами, и зал, и уголь,
из юности, а я гуни,
свод музыки, а я глух.

Я знаю их язык, мим,
но робкая, а мой мах смел,
их яркок взор, цветной грим,
мозаика, я черно-бел.

Носилки в Рим! где Зевс и фриз,
и много губ фруктовых, и момент,
поймётся ль логос их чаш, фраз,
уймётся ль мир твой, обо мне?

Отхлынется, уйдут они в рок,
лишь в фотокопиях кружки глаз,
и вздрогнется, что всё в нас вдруг,
когда настанет время: нет нас.

Ты жимолость, а я у Мома торс,
у Тибра я стою без стен,
опомнится, ты некто, я ни кто,
что жил-были, ты ветр, я сеть.

II

Что живы ли, ты ветр, я сеть,
опомнится, ты некто, я никто,
у Тибра я стою без стен,
ты жимолость, а я торс.

И вот настанет это «нет нас»,
и вздрогнется, что всё в нас вдруг,
лишь в фотокопиях кружки глаз,
отхлынется, уйдут друзья рук.

Уймётся ль яд твой обо мне,
поймётся ль пена их чаш, фраз,
и много губ фруктовых и монет,
носилки в Рим, где Зевс и фриз?

Мозаика, я черно-бел,
их пылок вид, цветной грим,
ты с робостью, а мой мех смел,
я знаю их язык, мим.

Свет музыки, а я глух,
ты с юностью, а я гуни
с тимпанами, где соль и уголь!
ты, занавеска радостная до ног.

Если, — то что будут делать тюльпаны,
лилии с молоточками, вишни и сливы,
стекла в окнах, глобусы ламп и треножник
с пчёлами на меду, и бассейн, и жаровня?
я не смогу быть ни с кем ни в одной из комнат,
твой сад заморозит и ветры сломают,
камни у дома сперва разойдутся и рухнут,
псы одичают, и эту Луну не увижу, —
всё, что любила ты, и то, что меня не любила.

Здравствуй!
В синих морях голубые дожди отзвенели.

Птицы
включили все караваны, и с криком тебя провожают.

Это
кони Патрокла плачут в бою, где гибнет хозяин.

Небо
пылающих шпаг ангелимов на тучах трепещет.

Камни
идут с Гималаев, чтоб взять тебя в эхо Удмурта.

Гимны
выбросив в море и каски снимая, плачут герои.

Чаши
опустошены, и кончается Пятое Солнце!

Пчёлы
склонились в саду, он любим и посажен тобою.

Очи
закрою твои голубые, ты храбро сражалась.

Нектар
был красного цвета и горек.

Женщин
хоронят рукой и теряют Отчизну.

И настанет тот год и поход,
где ни кто ни куда не придет,
и посмотрят, скользя, на чело,
и не будет уже ни чего.

Пой, зегзица, святой Органист,
провозвестница у камикадз,
— Ты собаку свою ограни,
все же это судьба (как-никак)!

В желтых лилиях вырос подол,
две ноги, раздвиженки любви,
кто-то жил, кто-то шел, кто-то пал,
и ушел, Космонавт лебедей.

УХОДЯТ СОЛДАТЫ

Лишь спичкой чиркну, и узоры из рта,
кубы, пирамиды, овалы.
Не тот это город, и площадь не та,
и Тибр фиолетов.

В ту полночь мы Цезаря жгли на руках,
о Цезарь! о сцены!
И клялся Антоний стоять на ногах,
и офицеры.

Мы шагом бежали в пустынный огонь,
как ящерицы с гортанью,
сандалии в коже а ноги голы,
из молний когорты.

И до Пиренеев по тысяче рек
мы в Альпы прошли, как в цветочки,
и сколько имен и племен и царей
вели на цепочке.

Триумфы, и лестниц Лондиния стен,
и Нил, и окраины Шара,
на башню всходя и дрожала ступень
от римского шага!
Что это у нас после Мартовских ид?
лишь склоки Сенату да деньги,
мир замер в мечях, вот когорты идут
по Аппиевой дороге.

На стенах булыжных не тот виноград,
кричали и мулы в конюшнях,
что Цезарь ошибся, что Октавиан...
А мы не ошиблись.

Тот был Провиденье, Стратег и Фантом,
и пели уже музыканты,
что этот не гений, а финансист,
он — Август, морализатор.

Сбылось, и империя по нумерам.
Но все-таки шли мы в Египет,

но в мышцах не кровь, а какая-то мгла,
мы шли и погибли.

Пылал Капитолий!.. И пела труба,
и Тибр содрогнулся, и кони! —
О боги, мы сами сожгли на руках
сивиллины книги!

Еще неизвестно, ли Риму конец.
(Вот спички не жгутся, а чиркнул!)
Не тот это голубь, и лошадь — не конь
от Августа до Августисшки.

Тибр был — кровеносен в Империи Z.
Не Рим это, тот же, но всё же,
не мрамор кирпич и веревки не цепь,
и Аппий — весь в ветках.

Стальные когорты в оружие ушли,
а было их столько, а сколько?
Хожу, многошагий, они из земли
глядят, как из стёкол.

II

А кто-то в ту полночь из тех, кто стоял
с зашитыми ртами,
и Доблесть, и Подвиг — оклеветал,
а трубы украли.
Двутысячелетье скатилось, как пот,
народы уже многогубы,
и столько столиц, и никто не поёт, —
украдены трубы!

Как призрак, над крышами стран — электрон
да ядерный рупор.
Не тот это голос! Зачем я, Тритон,
взывающий в Трубы?

Имперские раковины не гудят,
компьютерный шифр — у Кометы!
Герои и ритмы ушли в никуда,
а новых — их нету.

В Тиргартенах уж задохнутся и львы, —
не гривы, а юбки.
Детей-полнокровок от лоботомий
не будет, Юпитер!

И Мы задохнутся от пуль через год,
и боги уйдут в подземелья.
Над каждым убитым, как нимбы (тогда!)
я каску снимаю.

Я тот, терциарий, скажу на ушко:
не думай про дом, не родитесь,
сними одеяло — вы уж в чешуе
и рудиментарны.

И ваши пророки, цари и отцы,
горячего солнца мужчины,
как псы, завертятся на «новой» Оси,
как кролики на шампурах.

И больше не будет орлят у орлов,
их яйца в вакцинах.
С березовых лун облетит ореол
без живописных оценок.

И вирус с охватывающим ртом
научит мыслителей Мира,
не хаос, конечно ж, и даже не смерть,
но будут в гармонии срывы.

Смотря из-под каски, как из-под руки,
я вижу классические трюки:
как вновь поползут из морей пауки
и панцирные тараканы.

Ответь же, мне скажут, про этот сюжет,
Империя — головешки?
А шарик Зем?..

Я вам не скажу,
я, вам говоривший.

В снегу лисид сивиллины Трилоги,
требуквен Рим,
лишь в Краской Кнопке боевой тревоги
я повторим.

Как молний и акул не мыслим стулья,
как эхолот,
я звуколов, а этому Столету
я эпилог.

Легко расстанусь с рёбрами по телу
и с прахом ваз,
и это вы и век уйдёте в Лету,
а мой возврат.

У ноты нет ни линий с языками,
она как мист,
в единый миг из камня возникает,
из метастаз.

Мне механизмы чужды междуножья,
рождён, как Бык,
мой красный мускул серии не множит,
им полон миг.

И смерть меня не более ужасна,
чем взлёт пыльцы,
поют уж гимны в воздухе у жизни
Ея гонцы!

У Х О Д Я Т   Ц Ы Г А Н Е

УХОДЯТ ЦЫГАНЕ

1

Над городом (не договаривай!)
луна с песцом.
На пальчике доигрывай
себе.

По Невскому с цитатами
тех лет
я уйду с цыганками
телег.

С бутылками и с бубнами
всех лет,
с колечками и с бубнами —
валет.

С гремушкой целлулоидной
с утра,
со всеми поцелуями
у рта.

С верёвками, с конем моим,
с ножом,
с туфлями канифольными
ста жен.

С цыганками и с дынями
гитар,
я уйду от имени
гитан.

С кибитками, цветастые,
с пургой,
с шампанским и с цыганками —
уход.

Я говорю три формулы
с икрой:
пиковая, трефовая,
и кровь.

2

Кто помнит кудри с розами,
бокал!
Как голосами грозными
пугал!

С романсами (ножовые!) —
укол,
срезали, будто ножницы
у горл.

За голенищем с гирькою
ножи,
с цыганками, за горькую,
за шар души.

За кровь мою, открытую
ветрам,
за ту любовь ответную, —
спасибо вам,

что шли вы, огнестрельные,
на нас,
что били не со стремени,
не нож на нож,

за вбиты в позвоночники
болты,
за ручки позолочены, —
бинты, бинты,

за ножки перламутровы, —
медны,
за зубки перебитые, —
менты, менты.

3

От этой топи-ильмени
семь бед.
Я уйду от имени
к себе!

За зори с разносолами
семь мук,
шатёр мой разрисованный
сниму.

С каймою шали шелковой,
с узлом,
с дудой и Белой Лошадью
уйдём.

С пустой деньгою медною,
с сурьмой,
с комедией, с медведями,
с серьгой!

От этой тьмы египетской
(а то — убью!),
я профилем египетским
уйду

с тарелочкой фаянсовой
во рту!
Живите же с финансами, —
вот тут,

с билетами, по литере,
от — до,
мундиры и строители, —
казённый дом!

Со свистом, целым табором,
цугом!
Живите же по табелю,
и без цыган.

Я уйду, уходим мы —
в свою!

.....
Ни сказок про вас не расскажут,
ни песен про вас не споют.

ПОДРАЖАНИЕ СТАРИННОМУ РОМАНСУ

Что в этой, циничной и людной,
я призрак старинный меня,
я выйду дорогою лунной,
и нет ни ножа, ни коня.

Их нету, на пленках из кино
осталась их гордая грудь,
убиты цыганские кони,
и не с кем теперь говорить.

Взлетели, как ласточки, сабли,
и в землю зарыты курки,
и нету дамасской полоски,
и нечего делать рукой.

Мне мрачны мышинные войны,
мы вышли в открытом бою,
разбиты безумные вина,
а эти, целебны, не пью.

И струны дуэнде гортанны,
бесслезный и яростный плач!
А если берутся гитары,
то как мертвецы на плечо.

А выйдешь один в полнолунье,
луна освещает меня,
о если б бокалы наполнить
и свистнуть в два пальца коня!

О если бы новые встали,
как струны из красных рубах,
припрятаны кони и стали,
я дам им, не дрогнет рука.

Одену их в грозные нимбы,
кинжалы, и стремя, и плеть,
но юноши эти из лимфы,
им хочется жить, а не петь.

Хожу я, как призрак, по саду,
Медведицы ковш не кипит,
и девушки с гривой пасутся,
но
на пальчиках нету копыт!

ПО ФЕВРАЛЮ

Давно, что, может быть, чуть слышно,
среди озёр, где лунный тон,
скажи, когда-нибудь счастливой,
не отвечаю, и не то.

И жили мы, уже чужие,
но всё же двое, а теперь,
и маски гипсовой, тяжелой
твоей вражды я не терпел.

Но в этот век мечтать о ветке
из соловьев, — в который раз,
как два сокамерника в клетке,
и кто кому погасит глаз.

А может быть, еще возможно,
я выну карту короля,
а может быть, еще возьмёмся,
я украду тебе коня.

И мы умчимся в Дом Надежды,
и Смерть повесим на суку,
и этот саван не наденут,
в ногах лампаду не зажгут.

А может быть, конь бег убыстрит,
иглой спрячешься в саду,
и не найдёт тебя Убийца,
я выйду, что-нибудь солгу.

А может быть, обиняками
я Коменданту стану друг,
и твою карту обменяю,
и твою пулю — мне дадут.

Моих литот, моих гипербол
остался, может быть, стакан,
уж на чешуях от гитары
ещё поет тебе цыган.

О эти черные чешуи,
как перья коршуна зари,
в твоей стране живут чужие
и лгут свои календари.

Давно уехали кибитки,
и листопад лежит спиной,
краплёных нет, все карты биты,
и всё же ты побудь со мной.

За эти звуки горловые,
моя цыганская звезда,
кричали руки голубые,
что не сойдутся никогда.

Я только руки отгибаю
от умирающей груди,
но эти руки голубые
не отогнуть, не уходи.

Я чужеземец, и по крови
никто, помощник, не придёт,
я руки пальцами покрою,
и этот холод отойдёт.

У нас все годы високосны,
и нет ни завтра, ни потом,
а эти стены высоченны,
и не взорвать казенный дом.

Я эти стены обиваю
безумным лбом, и у груди
я эти руки обливаю,
и обовью, — не уходи.

Не уходи, она посмеет
тебя забрать по февралю,
и плач постыдный и посмертный
тебе, живой, я говорю.

Если белый, как лунь,
то бери черенок,
окуная в лохань,
я точку черный нож.

В кладовой на суку
есть запас у меня, —
положу и скую
из цыганки коня.

Карта вынута трэф,
голенище войны,
по решению Трех
медь цыганской струны.

Всех, кто носит мундир,
стремя льёт по углу,
на цыганский манер
я найду и убью.

Буду всякую ночь
я стоять над страной,
выйдут вон, выбьют нож,
я зарезу струной.

Не за то, что у вас
ненавидят цыган,
а за то, что у вас
бубна нет и цимбал.

Стой с кнутом по степи,
мой цыганский патруль,
птицу черную сбить —
нет серебряных пуль!

Нет пчелиных свечей,
наших ласк огневых,
нет гортанных речей,
чернооких гнедых.

Медь натянет романс
у цыганской струны, —
нет за то что у вас
Андалузской луны!

.....

Но покрыты золой
ноги, нож и стакан,
и сидит, сам не свой,
плачет старый цыган.

◇ ◇ ◇

Розы, как птицы, меня окружают, листьями махая,
трогаю, и шипят, и кусают, рты разевая.

Птицы, как лодки, меня окружают и как парашюты десанта,
веслами бьют и, приседая на крыше, стреляют из ружей,
окна открыты с луной, коршуны, жаворонки, чайки и цапли
вьются у горла веревкой, в рот набиваются паклей.

Снится, что я черная птица, лечу как чугунный,
снизу охотник стреляет, а пули из воска и тают, как капли,
и падают в бездну.

И,

опрокинуты когти,

падаю в бездну.

Что ты пасёшься над телом моим, Белая Лошадь?

Я не хочу на карту звездной ночи,
закопанный, хоть это ни к чему,
по мне идут империи и ноги,
я слышу орудийные шумы.

Я вижу воздух, молнии паденье,
я вижу спички вспыхнувших комет,
я мог бы выйти, но куда пойду я,
я мог бы петь, но в голосе комок.

Зачем мне тазобедренные кости,
и череп, и цветы посмертной лжи,
вот две ноги лежат, как водостоки,
при жизни я не помню, чтоб лежал.

А если и, то и не на Сиренах,
мне девять Муз не пачкали чело,
и сколько, карий, глаз я трогал синих,
земные ню, — несметно их число.

Я не таился, как фонарь секретный,
я шел по Солнцу, освещая грязь,
а тут чужие шепчутся скелеты,
что на плите моей золотая вязь.

Ваш Шар замёрзнет, выключен, потухнет,
меня завидя в прорезях Пяти,
и Бог уйдёт в магнитные потоки,
скользя по пряжкам Млечного пути.

Как нуль, посудомойщик Мироздания,
в светящейся нейтринной пелене,
уйдёт, оставив с пальчиком мизинчик
с навинченными кольцами планет.

И убежит, как бешеный, за ширмы
закройщик глин и прочих униформ,
и каждый шаг, увешанный Шарами,
звонит, как алкоголем, у него!

Я говорил, сожгите это тело,
снимите имя с книг и что о них,
я буду жить, как пепельное эхо
в саду династий автор-аноним,

где, может быть, не всё и голубое,
но не склоняют ветви дрожи ив,
где нет ни чугуна над головою,
ни пальцев, указательных, как Вий.

Здесь льётся кровь людей, как водопады,
и серый снег всеобщих метастаз,
я не хочу ни в Ямбы, ни в Адепты,
где, что ни встречный, смертник и мутант.

Я жил уже, у индов пересмешник,
и повторим, как метеор на Мир,
я жду агон, чтоб выйти перед смертью
туда, где нет ни Я, и ни Меня.

И белые ночи, и черные речи,
и аист эстонский, — как Нотр-Собор! —
и голос нахлынет, огромно-очерчен,
и сердце изогнуто, как скорпион.

Неловкие души, им нет отступленья,
взбегают на Башни, как парус с мечом,
и вот и Победа, и бьются о стены,
и локти кусают, им чужды мечты.

И вот — снова бой, и опять они живы,
мечи вознося, и, как призраки, льют
кровь вымысла зла, я их, панцирных, вижу,
о братья в атаке, и я их люблю.

Я помню, как саги шли на Константина,
усеянный лодками Рог Золотой,
и стук топоров, рядом колющих стены,
и лиц их, сияющих в смерти — зарей!

Я помню гром пушек Тулона, Седана,
и черную шпагу твою, Борджиа,
мы видим войну, как сады у десанта,
и ядра, и крючья, и на абордаж.

Я был Гибралтар и алийские чалмы
на первый порыв, но я не был Осман,
я Косово помню и Негоша плачи,
и Косово-2 у югославян.

Мы дети Стены, наше небо в овчинку,
и вот и рисуем ландшафты свобод,
коррозию молний и бега, — о чем ты?
нет битв и не будет, затмит небосвод.

Я битвы ломал, как широкие свечи,
костюмы меняя от фижм до сапог,
от бомжей до красной одежды Тибета,
и ненамагничен мой черный компас.

Но, чисто листая страницы Страбона,
мне стул не подходит, и проклят мой стол,
неловкие души ломаются быстро,
им мирные рамы — стеклянная сталь.

Я помню лимонные циклы Гранады,
и пули, и губ гиацинты коней,
ужасны угары цыганской гитары,
и сабельный листик, и гром, и конец.

И нет мне таблиц, и не по Реомюру,
ныряя за древней и нотной доской,
а голос-логаэд бегущих по морю
мне душу терзает и полнит тоской.

Рисованье кувшина, будто он ню,
рот, неспящий, при полной луне засыхает,
это память вибрирует в желтых тонах,
рученьки белые, лягут.

Это волки кричат с далёких камней,
слышимы беглый огонь, и луна, и бокалы,
плач забытых теней, берег смытых дней,
ночи безумные, очи!

Небо не ценит, если металл устал,
и поднимает удар на летящих, неловко,
и срываются корабли с механизмов туч,
рученьки белые, бьющиеся.

Тех, кто любил, никому не скажу,
лодки не слёзы, их крепят цепями,
ночи безумныя, рученьки белыя,
ночи да очи!

Вот и возникли как псы, чистокровные, контролёры,
кровь по мензуркам мою разливая пипеткой,
я сам скажу мои крови, я знаю, считайте:
поляки, эстонцы, евреи, италы, цыгане,
франки, норвежцы, остзейцы, тавры, мегары, испанцы,
темуджины и арамеи, персы, кельты и белги,
нет у меня ни капли красной, вашей, и с микроскопом,
так что живите сами с собой, апологеты инцеста,
агонизируйте сами, я ухожу, и харизму свою оставляю на стуле,
выходец из холодных дверей, невидимка, уходит туда же.

У Х О Д Я Т   Ж Е Н Щ И Н Ы

Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный.
— Три башни, три башни!

Сидящий пятнадцать непишущих лет,
три башни я вижу, их красно-коричневый цвет.

В тех башнях три женского тела сидят
и белые груди едят.

Пред ними три стула, новы и голы,
на стульях три шляпы моей головы.

И плавают в тучах из слизи и гроз
три лодки-селёдки в тарелке из роз!

СПИРИНЮ

Сорок четыре дочери земель Морс,
голохвостые,
спириню,
стола ножку
сжимая между ног и вертя,
вызывают
судороги, оргазм; текло.

Что им видится?
духи да челн
и бездонность животных миров,
где Плутон
вставляет весло,
вот Юпитер
лезет к ним в лаз,
а Сатурн
прицепляет булавкой кисть,
виноградину, и говорит: грудь.

Сорок четыре дочери с грудками псиц,
без сосцов еще, надувные соски торчат,
столоножки
сжимая в обхват,
духов зовут, похоти полны.

Похоти полны ко мне, но я
сплю и сплю, нулевой вариант,
губы (свои) к губам (своим).

Я их вижу, жадных в дожде,
изливающимся
между ног,
и, сзывая
духов космо-звезд-планет,
мстят мне (мысленно),
злостью задаваясь,
зубки кроличьи, языки из ртов...
Ай, астральные читки мертвецов!

Сорок четыре фригидки
вертят столы,
стук да стук,
обо мне им Миры
клювиком водят между колен
и долбят им пленки до утра.

Как сказал Всевышний Кастрат:
эти девушки добро и любовь,
(но не рвут, а пленки им гнут),
но пока, добавил, а потом,
посвященные в твой жетон...
ведь ночью и иначе жизнь их не ждёт!

Слушают в уши, с Верху голоса,
а видят мой абрис, злой лай,
росчерк рта,
ушки кабана,
и красный мускул, — как солнечный удар!
И думают, спело дрожа:
— ЭТО мне!

И это МНЕ же!

АЛЕБАСТР

Заря бледно-сера,
ночь без перекладин,
белое в белом на белом,
простыни-альбиносы,
дочери в алебастровых масках,
окна наклонны, луна налегке,
лиц у них нету,
в воздухе рюмки вверх дном, канифольны,
это кинжалы,
рюмку беру, пустокрыла, кинжалы ломаю, их нету,
простыни рву, запах простынный,
блочной кувалдой по алебастру звеню,
мимо звука (мнимо),
той же кувалдой им морду дурманю, хоть бы хны,
четыре кинжала блестят, чуть с синькой,
вазы зову, безответно,
в стены из алебастра стучу,
ломаю костяшки,
стен нету,
под потолок запускаю кувалды,
на рикошет,
кинжалы же ближе,
одну б изнасиловать, а троих друг на дружке,
кинжалы ломаю,
пальцы текут, липкокровны,
кинжалы все ниже,
нет, не проснусь, не прояснюсь,
кинжалы ломаю, их нету,
кинжалов,
кинжалы у сердца, четыре,
нет, не вонзайте, нет,
не бейте, и будут, и стали
всеми четырьмя, сердце стало,
сердце ломают,
оно, обыкновенное, есть, то есть было,
падаю на пол из алебастра, лечу, как пропеллер,
лампу ломаю, горящих артерий курьезы,
быкицы-убийцы ложатся к лицу и смеются,
вяжут из капилляров (моих) спичками что-то свое,

женское, кружевницы,
песню поют из Ханаана, а м.б. Ханя,
и где и нигде невидимки,
ноги ломаю (свои), как цикада,
лица не биты их, маски,
и плева тончайшая между ног у них
светится из-за алебаstra,
плеву ломаю, смотрю в эти дыры (щели),
а там — облака, как голубиные яйца,
с надписями 1, 2, 3, 4, как стих из Корана...
Но ничего не читаю.

ГИПС

Чибис и розы.
Стекла гипсуют.
Двери, дурачась, гипсуются.
Жидкие руки куренья фонтанов
тянутся, необходимые, за эшелонами звезд.
Ничто не меняется, руки уходят в ничто.
Девы гипсуются, простыни — гипсоносители.
Но ни звучанья, ни бренчанья, ни броженья,
ни движенья.

Остается Минута Медведя,
вот он как рухнет, как ухнет со своими
10 прожекторами на лапах...
Не ухнул, не рухнул. Лежу в лошадиной позе.
Стены мне локти целуют,
комар налетает то в правое, то в левое ухо.
Охо!
Луна светит слева, будто сливы из бараньих яиц.
Учитель с биноклевидным блюдом.
Я бью Его по лицу. Звонко! — ничего не нужно.

◇ ◇ ◇

Поэма потеряна;
я говорю, повторима.

То, чего нет, досочинится
слогом
особо-согласным.

Эрос мой резок, но пуст.

Что ты меня обнимаешь, как ножницы, дева?

Эрос не рос.
Ведь дева была без подушки. В ванне, одна.
Отключили краны и душ.
Я ее поливал кипятком. Шипела.
Но эрос не рос.
Маленький мой огонек не поднимался столбом.
Я ведро вскипятил. Сел, как соловей.
Эрос не рос.
Члены мои леденели, как дети.
Чресла ее пошли пузырями, ожоги.
Я дал ей супа.
Суп не помог (в миске москитной).
Ожоги мешали оргазму так чрезвычайно,
как от изжоги и как ежи.
— Что бендем делать? — спросил я.
— «Скорая помощь»!
Восемь врачей нас растирали.
Но эрос не рос.
И только когда полилась
из крана серая струйка —
эрос раздался!
Подушка пришла.
И на подушке сидя и плача от первого раза,
душ зашумел!
Эрос раскрылся.

ДЕНЬ НАДЕЖД

День мой деньской одеяний!
Надел широкую шпагу.
Широкую рожу надел на узкие зубы.
Надел на демона девушку без перчаток.
Надел на глазницы (ей) бюстгальтер — лучше очков!
Штаны не надел, девушка ведь надета!
Что бы еще надеть? — Шляпу. Надел.
Одет недостаточно. К шубе шагнул.
Девушка не сходит, сидит на демоне,
как на стременах.

Ну что ж, ну что ж.
Надену еще шаль шерстяную
себе на спину, ей на грудь.
Не видит, визжит:
— Не надевай, я ж обнаженка!
Сидели в то утро мы
с девушкой, так надетой,
что и не вывинтишь.
И так — часов пять.
Потом мы оба надели делирий
и развинтились.
Лежали, дрожа!
Ели с ноги простоквашу.
Слава богу, хоть к ночи
мне удалось одеться во что-то из меха.
Это «из меха» — сестра ея. Все же надежда
на теплые отношения.
А третья сестра под нами легла, как диван.
Так, троеборцы, они одели меня, без меня.
Ведь я их взял не умом.
А демонизм? Обаянье? Шляпа до плеч?
Одна как стена, вторая как циркуль,
третья — диван волосяной.
И я. Под луной многострунной
мы плохонько пели
в комнатке-колбе.
Помню — не помню я тот еще фестиваль!

Рисование ню, если она как гипноз,
молодое лицо как мясо, фляги не дрогнут,
я кладу ее на пол, мажу спичкой с бензином, и что ж? —
жир сливается ливнем, и ню, как говорится, пылает.
Флегма в прыжке, взвивается гонгом огня,
то катается по углам, то летает под абажуром,
талиа тут же худеет, ножки годятся карандашу,
не как гимнастка и балерина, — бубен мистерий!
Эти линии плясок в сиянии искр,
ребра белые уж проступают и конус у бедер очищен,
и сквозь факел рисую мгновенья лист за листом,
кости тлеют в тазу, угли как угли.
Я лаконичен, метод не нов, Буонаротти Микель,
если модель не деймос, создаем динамичные позы,
только хаос огня возбудит дуновенье штриха,
ну, а пепел несу в унитаз и смываю.

Я не шар сунский.

Лежу у берегов гребли, как
выпуклая лодка.

В воздух войду, и ни шипа, снего-дубы.

Дерево пилят на книги. Пусть пилят.

И кто-то в костер, по-ихнему угли,
уж мою голову
подкладывают и подкладывают,
и подкидывают.

Девочка в розгах. Унесу ее в пески
к змеям. Там они обмоются.
Как кстати.

Вода бежит,
луна брезжит,
перебрызгиваются.
Шар сник. Я слег.

Снего-дубы. Синева. Я пропащий.

Книгу ногой отшвырну.

Пусть пишут псы и целуют у литер,
то, что целуют.

В воздух войду, и ни шипа,

и, дыша,
у дерева выплюсь. Пошел
в печи, писака, пицалка, шептун.

Бани бескнижья.

Пой, Одинокий Сыночек!

Дерево пилят на книги,

а у них
разве что внутри,
как у кошек,
лучевая, мочева!

Саблю открою.

АВГУСТ

Улитка с корзинкой,
лягушки стоят на камнях, как сфинксы,
и ветер в осинах!

Мышь,
с лапкой.

Дрозды, целой стайей, у ягод.

Звезды всё ближе.

Сверчок!
кто-то уйдет.

/

◇ ◇ ◇

Я не шезлонг аллюзий.

Земля, как разрезанная пила.

Кровь, как мясо, кипит,
новолуния нет.

Кусты золотые.

Разобщается мороз.

Вижу в руке Шары Земные
фонариками, дождевыми грибами.

Уход и стук человеческих лап
оп-оп, ап-ап.

УХОДЯТ ЖЕНЩИНЫ

Уходят,
их губы в рогожках, в песцах, в каплях, как звук.
У холла
попытка возврата, ступеньки стучат, отключаю звонок.

Их чаши
забыты за бунт на коленях моих золотых, где гремел алкоголь.
Прощайте,
из памяти, числа, я их рифмовал, алгоритм.

У оды
на улице, в листьях, в такси, запахнувшись там, где нагота,
уходят
на пятках из ниток, в подошвах, на ноготках.

С ушами
не стоит и нянчиться, столько волнений, ушли.
Ужасно! —
в крестах их Варшава, и С. Ленинград, и Париж,
и Сибирь, и Нью-Йорк, и Иерусалим.

У сверстниц,
ушедших в петлю, в карбофос, головой о панель, —
уж вестниц! —
их дочери, внучки, в портфеле пенал,

из окон
влезают, карабкаясь, как скалолазы, луна и видна и медна,
их звонко-
поющие губы не будят меня.

Простишь
измен целлулоид, — за страусовый чулок!
Престиж
мой абсурден, а ревность бредова, — при стольких числах!

Уход
и меня недалек, вот уж шаг, и привет, черемис!
Удод
на болотах поет, и сверчок зазвенел через мост.

Я лягу,
куда не хотел, в эту сыворотку из глин,
и ложью
покроют мой торс безлюбивый — рябин да калин!

И ложью
закопан досмертно, лишь дырка для рта,
и лошадь
издохла, и меч в чемодане, и сохнут уста.

Меж тем,
как ракета, летящий, я вспыхну в огне,
метели,
цунами, мистраль и динамоудары поют обо мне.

И женщин,
рифмованных мною, останутся на континентах гудки,
их жемчуг,
оброненный в море и рыболовецкие гамаки.

И с визгом
и жалобным воем смотрели и будут смотреть,
как свистом,
с ножами над головою встречаю я жизнь и приветствую смерть!

Двадцатый! —
о Господи Бомже, иди к идиомам, за ним
тридцатый,
потом девяностый, как винтики, кто их — незаменим?

Я тысячелетник
и сын Намагири с Пэн Ку, магнитная ось, где Восток,
телега,
синдром колеса, на коленях — все те ж.

Всё то же,
и крыши Египта, и порох Китая, и Пятое Солнце, ацтек.
Весталки
и пифии тоже рожают уже из шприцов из аптек.

Но это нюансы,
как, скажем, не груши, а гири в саду,
не важно,
и, может быть, скоро, но новые юноши, я их посеял, взойдут!

Не люди,
а кромкогудящие Звери в оправе из молний, — всё, что не муляж,
луддиты,
любовники, и гладиаторы, и скоморохи, и всё, что мятеж.

Мне ближе
вот эти, чем гибель Империй и кучки культур, и т. д.
в манеже
банкующих Номенклатур, или силос из демоса, или «идей».

Ах, нигиль,
я знаю азы, не рожденный, а вычерченный на небесах.
А книги
сожгите, как тело, как лодку, как колос, — я их не писал.

ЭЛЕГИЯ

1

Август, и стиль птичий, руки уже облетают,
пальцы с ногтями (мои!) кружатся ночью у лампы,
уши срываются, вьются, стоят в двух стаканах,
губы отлипли, по телу ползут и кусают,
катится голова по комнате, глаза ея многоцветны,
и позвонками мухи играют в кости.

2

И дожди облетают, проснусь, а стёкла
солнечные, умытые; мокнут в листах разносолы,
в белых колоннах берёз ничего, кроме неба,
девочки голые, платья их стороной мой дом облетают,
нищие люди идут по полям, головы в небе,
хижины им подбивают новенькими гвоздями,
руки покрашены глиной.

Жизнь зажигает и ножки и ложки и фляжки!

3

Что я тоскую, как третий консул по легиону,
как сапожок, калигула, — без децимаций?
в этой идиллии сёрпом болота не косют,
в черных туннелях ночей хожу, и нет мне покою,

Сириус строит в шеренгу планеты у Солнца,
он им устроит Парад, и от грохота Неба
эти Шары задрожат и взорвутся их океаны,
что же я буду делать весь год без «катаклизмов»?
лягу на землю, на ухо, и что же, —
мышь запищит, Сириус!

И не слышны шаги легионов...

4

Утром проснусь, а в саду уже ходят лопаты,
головы на местах, и ни товарища с кровью на шее,
что-то мы просмотрели, кто-то нас предал,
всех опоили цикутой, а меня позабыли, —
пятой колонны, первого легиона, тот, кто пишет вот это.

Рисованье вокруг, будто я пейзажист,
у капусты моря, как синие шляпы,
в бочки Н₂О смывает с крыш,
да туманит... Эти виды не пишем.
Это печалит, но не оживляет глаз,
живопись у листвы мажет холст, а перо графичней,
лучше уж ночь и Небо, и — зажглись!
И я включаю свой дым, сигарету.
Ночь такая, чудная, в Верхних Этажах,
под ногой свистит, этот Шар-эпилептик,
не хочу «новостей», отпусти к тем, кто там,
где Циферблат гремит справа налево.
Что бы ни делал, куда ни шагну,
не то и не так, а спрошу, нет ответа,
размноженцы в 6 раз за 9 нулей зашли,
дай уйти самому, вычисли единицу.
Где-то пуля летит в одиночку, как шприц,
скоро, скоро, м.б. с кем-то соединится,
я снимаю голову с петель, бросаю в ведро,
дай закрыть себя, не держи меня здесь, Провидец!..
Эти речи не слышим.

Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане,
карты, цистерны винные, женщины множеств,
боги в саду, как потерянные, стоят с сигаретой, уходят,
сад облетает, и листья, исписанные, не колеблет,
что же ты ждешь, как столбы восходящего солнца,
солнце заходит, и больше не озаботит,
магний луны и кипящее море,
и не печалит ни прошлого губ, и ни завтра,
книги уходят, быстробегущий, я скоро!
Все, что любил я у жизни, — книги и ноги.

5 февраля — 5 августа 1999 года

СОДЕРЖАНИЕ

УХОДЯТ СОЛДАТЫ

«Зашьют рты...»	9
Колокол	10
У моря, у моря, где Рим	11
«В этой лодке нету, Аггис, на заплыв пучины...»	13
«Еще не вскрыты эти маски...»	14
Какопакриды	15
Дистих	16
«Если, — то что будут делать тюльпаны...»	18
«Здравствуй...»	19
«И настанет тот год и поход...»	20
Уходят солдаты	21
«В снегу лисиц сивиллины Трилоги...»	24

УХОДЯТ ЦЫГАНЕ

Уходят цыгане	27
Подражание старинному романсу	31
По февралю	33
«Если белый, как лунь...»	35
«Розы, как птицы, меня окружают, листьями махая...»	37
«Что ты пасёшься над телом моим, Белая Лошадь...»	38
«Я не хочу на карту звездной ночи...»	39
«И белые ночи, и черные речи...»	41
«Рисованье кувшина, будто он ню...»	43
«Вот и возникли как псы...»	44

УХОДЯТ ЖЕНЩИНЫ

«Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный...»	47
Спириню	48
Алебастр	50

Гипс	52
«Поэма потеряна...»	53
«Эрос не рос...»	54
День надежд	55
«Рисование ню, если она как гипноз...»	56
«Я не шар сунский...»	57
«Снего-дубы. Синева. Я пропащий...»	58
Август	59
«Я не шезлонг аллюзий...»	60
Уходят женщины	61
Элегия	64
«Рисование вокруг, будто я пейзажист...»	66
«Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане...»	67

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ**
- С. Кекова. Короткие письма**
- В. Салимон. Невеселое солнце**
- И. Лиснянская. После всего**
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда**
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды**
- Н. Кононов. Лепет**
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения**
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском**
- С. Гандлевский. Праздник**
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...**
- В. Дроздов. Стихотворения**
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе**
- А. Цветков. Стихотворения**
- Д. Новиков. Караоке**
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира**
- Т. Кибилов. Парафразис**
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер**
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика**
- В. Салимон. Красная Москва**
- В. Зельченко. Войско**
- Б. Кежеев. Сочинитель звезд**
- А. Битов. В четверг после дождя**
- Л. Лосев. Послесловие**
- И. Лиснянская. Ветер покоя**
- В. Гандельсман. Долгота дня**
- Е. Шварц. Соло на раскаленной трубе**
- Т. Кибилов. Интимная лирика**
- В. Павлова. Второй язык**
- В. Кривулин. Купание в иордани**
- М. Ерёмин. Стихотворения**
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки**
- Д. Новиков. Самопал**
- Т. Кибилов. Нотации**
- В. Соснора. Куда пошел? И где окно?**
- С. Гандлевский. Конспект**

Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова Арии
М. Степанова. Тут — свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс
С. Стратановский. На реке непрозрачной
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.3
А. Цветков. Шекспир отдыхает

Все книги серий тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных книг обращайтесь в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24 факс: (812) 273-52-56

Соснора В.

Куда пошел? И где окно?: Книга новых стихотворений. — СПб.: «Пушкинский фонд», 1999. — 72 с.

ISBN 5-86767-011-X

ББК 84. Р7

Соснора Виктор Александрович

Куда пошел? И где окно?

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1999

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071 541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 500 экз. Заказ № 37.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК “Бионт”»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,

тел. (812) 322-68-43

равные, сдача в наем, аренду, публичное исполнение, передача в эфир или по кабелю без надлежащего разрешения запрещается.

Виктор Соснора
стихотворения из книги

Куда пошёл? И где окно?

читает автор

1. «Зашьют рты...»
  2. Колокол
  3. У моря, у моря, где Рим
  4. «В этой лодке нету, Аттис,
на заплыв пучины морей...»
  5. «Еще не вскрыты эти маски...»
  6. Какопакриды
- Дистих*
7. «Ты занавеска радужная, до ног...»
  8. «Что живы ли, ты ветер, я сеть...»
  9. «Если, - то что будут делать тюльпаны...»
  10. «Здравствуй!..»

Записано в марте 2006 года
Звукорежиссер – Александр Деревягин
Графика – Виктор Соснора
Дизайн конверта и CD – Александра и Михаил Смотровы

Уходят солдаты

11. «Лишь спичкой чиркну,
и узоры из рта...»
  12. «А кто-то в ту полночь из тех,
кто стоял...»
  13. «В снегу лилиц сивиллины Трилоги...»
- Уходят цыгане*
14. «Над городом (не договаривай!)...»
  15. «Кто помнит кудри с розами...»
  16. «От этой топи-ильмени...»
  17. «Рисованье кувшина, будто он ню...»

Общее время звучания: 44:44

(с) 1999, 2006 В. Соснора (стихи, графика)
(р) 2006 АНО Студия современного искусства «Азия-Плюс», СПб
Кураторы – Евгения Логвинова и Николай Якимов

АЗИЯ+™
www.asia-plus.ru

ПУШКИНСКИЙ ФОНД